

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 4, Is. 2, pp. 83-89, 2015

DOI: 10.13187/ejpr.2015.4.83

www.ejournal17.com

UDC [130.2+004.5] : 008.2

Homo Matrix: to Audit the Problems of Culture Subjectivity of Information Society

¹Dmitry E. Muza

²Ekaterina B. Ilyanovich

¹Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Russian Federation
Doctor of Philosophy, Professor
E-mail: dmuza@mail.ru

²Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Russian Federation
PhD in Philosophy, Associate Professor
E-mail: mknovik@mail.ru

Abstract

The article deals with the problem of culture subjectivity of information society, which arose as a result of transformations of functional-subject onto-structure of industrial-type of society and its replacement of information processes stochastics, that substantiate new sociality and culture.

According to the hypothesis of the authors, information modus vivendi creates a narrow corridor of anthropological features, including through inadequate procedures of cultural coding, but opens the wide corridor of anthropological mutation.

In particular, firstly this conclusion is based on a critical understanding of the current position of the theorists of the information trend – Jean Baudrillard, M. Castells, A. Bard, J. Zoderkvist, K.V. Silchënok, R. Florida, G. Lanir; secondly – on the postmodernists presentation of the renouncing-tree hierarchical structure underlying the former cultural theory and practice, and its replacement by «a thousand plateaus» (G. Deleuze and Felix Guattari), «garden of forking paths» (J.L. Borges) or «Labyrinth» (Umberto Eco).

Following the image of «nothing cyborg superman», the authors show that before our contemporaries arose double idyll, which carries the: a) beyond constructiveness information flows and media forms principle, which is much more ambitiously than the previous semiotic-semantic means activates the potential of human nature; b) the principle of emergence, i.e., the collective consciousness, the noosphere, or singularity, generated by the World Wide Web users.

Not sharing these illusions addressed to homo Matrix, and all firmly established in the public mind, the authors expressed relevant counterarguments: 1) because the value of the property has «a limited variety» (A.D. Ursul), then the task of the subject of culture (and the culture itself) is full participation in limiting excessive, destructive and information-noise diversity; Cherished singularity implies physical destruction of people (the annihilation of mankind, although involves uploading their consciousness's in Matrix; 3) are homo Matrix will have to enjoy the «eternal present», which mix all cultural codes, sometimes dreaming of new super reality, where there is a one code, which generates post humanist cultural (?) holism without soul and body, high and low, moral choice between good and evil, between values and anti-values.

That prospect seems unacceptable to reviewers.

Keywords: culture of information society, the subject of culture, culture codes of information society.

Тенденции развития информационного общества, как в глобальном измерении, так и в его российском сегменте, с неумолимостью ставят проблему субъектности культурогенеза, которая пока отрефлексирована и оценена, главным образом, в крайних формах: либо как исключительно продуктивная (ибо именно «креативному классу» приписаны культур- и социо-созидательные функции), либо как деструктивная (поскольку *neto*-кратия игнорирует функцию демократизации социальных процессов и редуцирует культуру к модусу потребления, к несобственному бытию). Следовательно, горизонты и формы развертывания культуры поставлены в зависимость от актуального состояния субъекта, равно как и тех ценностных и праксеологических установок, которые атрибутивны его бытию. Но последние все чаще замыкаются на «вечное настоящее» (Ж. Бодрийяр), обслуживая размещенные в его интерьере и пульсирующие интересы и потребности.

Чтобы проиллюстрировать важность обсуждаемой проблемы, укажем, что в отечественной (А. Буровский, В. Буряк, Д. Иванов, П. Киричек, В. Кутырев, Б. Г. Почепцов, Л. Скворцов, В. Шаповалов и др.) и зарубежной (Дж.П. Барлоу, Ж. Бодрийяр, Дж. Зерзан, М. Кастельс, Г. Кардозо, Дж. Ланир, Р. Флорида, М. Хорост, Т.Х. Эриксен и др.) литературе ей уже уделено определенное внимание. В частности, под такими углами зрения как: полнота практик человека из галактики *Internet*; условная эффективность серф-технологий при обработке огромных массивов информации; конвертирования информации в социально значимые решения; целостности и вмещаемости самого субъекта.

Наш ракурс исследования, уже имеющий определенную квоту [1], определяется намерением показать положение субъекта информационной культуры и социальности с учетом не столько распределенно-опредмечивающих практик (предметности материального плана культуры), сколько с процедурами раскодирования-и-кодирования (предметности имматериального плана культуры). Причем, в рассмотрение мы намеренно вводим понятие *homo Matrix*, дабы сделать ударение на искусственности всей этой субъектности, а значит ходульности культуры информационного общества.

Но этот посыл лишь отчасти когерентен художественному обобщению братьев Вачовски и его последующей рефлексии западными интеллектуалами [2]. Хотя, нужно признать, они предъявили целый ряд важных аргументов. В частности, любопытны такие характеристики матрицы и её обитателей: 1) «матрица» не может быть определена или объяснена (диалог Морфеуса и Нео); 2) жизнь в «матрице», если верить Сайферу, – это жизнь ради удовольствия, или гедонизм, в противовес борьбе и невзгодам в реальном мире; 3) само удовольствие есть ничто иное, как электронная симуляция, иллюзия реальных действий и событий; 4) население матрицы – это люди и «разумные программы», при том, что люди – это вирусы, недостойные жизни (агент Смит), а её настоящие обитатели – это «мозги в банке», к которым с определенной периодичностью поступают электрические импульсы.

Тем не менее, попробуем подойти к проблеме с другой, а именно, культурологической стороны. В качестве методологической преамбулы для дальнейших рассуждений напрашивается следующее соображение: «Несмотря на её очевидные дефекты, идея «информационного общества» остается популярной потому, что она – современная утопия, заменившая собой традиционные проекты лучшего общества. Новая утопия повторяет общую схему либеральной идеи «открытого общества»: от дымного, смрадного, конфликтного индустриального – к светлому, чистому, гуманному» [3, с. 85]. Но эта мечта о принципиально новом информационном социо- и антропогенезе на наших глазах превратилась в тотальную симуляцию почти всего. Здесь имеется в виду радикальная постановка вопроса, осуществленная Ж. Бодрийяром.

Свой общий вывод – мы живем в мире, в котором все больше информации и все меньше смысла, – он сделал на основе анализа трех гипотез о функциональной роли информации: 1) *информация производит смысл*, хотя ей не всегда удается компенсировать случайную потерю значения во всех сферах; 2) *информация не имеет ничего общего со значением*, поскольку представляет собой сугубо инструментальную вещь (технический

медиум); 3) *информация разрушает или нейтрализует смысл и значение* (средства массовой информации) [4, с. 117–118] (курсив наш. – Д.М., Е.И.)

Тем не менее, этот посыл нуждается в разъяснении с позиции теории языков и кодов культуры.

Мы полагаем, что разворачивающаяся информационная революция генерирует новый мета-язык культуры, имеющий, в свою очередь, специальные системы кодирования. Но, поскольку система развивается без какой-либо общей логики, коды современной культуры не обеспечивают процесс полноценного преобразования значений (несомых информационными потоками) в смыслы. Это может быть объяснено тенденцией отбрасывания мета-нарративов, связывающих информационные сообщения в единый гипер-текст. Разумеется, за счет всеохватной и далекодействующей силы аксиоматических мифо-образов, в т.ч. получивших инобытие в рациональных конструкциях модерна. Результат – отказ от древовидно-иерархической структуры, лежащей в основе прежних теории и практики и замена её «тысячей плато» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари), «садом расходящихся тропок» (Х.Л. Борхес) или «лабиринтом» (У. Эко).

В этой ризоматической конструкции иные принципы соединения, нежели в древовидных структурах модерна: «любая точка ризомы может – и должна быть – присоединена к любой другой точке» [5, с. 12]. Последнее означает, что она а-центрирована, не иерархична, и кроме того, она – незначающая система без генеалогии (=памяти). Ризома складывается из плато, или непрерывных, самих по себе вибрирующих «регионов интенсивности», которые не предполагают «точек кульминации» или «внешней конечной цели» [там же, с. 38]. Причем, «плато» множатся, рост ризомы (поскольку он совершается во всех направлениях одновременно) едва ли контролируется индивидуальным сознанием, делая массовое сознание весьма проблематичным.

В качестве наблюдения напрашивается вывод: мир в культуре постмодерна представляет собой некоторый *mix* из желаний, пустых (ничего не означающих) знаков – симулякров, намёков, отдельных рациональных формул, семантических шумов, бреда сумасшедшего, экскрементов, гламура, подчеркнутой неоформленности и незавершенности. Но самое важное, что ризома соткана из конъюнкций: «и...и...и...» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), а значит, синтеза на уровне индивидуального и общественного сознания ожидать не приходится. Но и человек, пребывающий в ситуации «между...» (вещей, смыслов и т.д.), утрачивает свою субъектность.

Естественно, что в этой ситуации проникновение на смысловой уровень культуры – без создания соответствующего кода культуры и генерируемых ею текстов – оказывается невозможным. В частности, без расширенного воспроизводства «универсально-понятийного типа кодирования» (М.К. Петров), а значит воссоздания субъектности в её универсальной культуросозидающей ипостаси. По большому счету, речь идет о забвении пентекантеры, догмата Троицы, тривия и квадрия как основных сюжетов культурного и социального кодирования [6, с. 145–320] и создании новых весьма иллюзорных проектов.

Так, скажем, сегодня разрабатывается и затребована концепция культурного воспроизводства человека «эры Водолея», в рамках которой доказывается, что из «инсайтирующих проблесков психознергии... психосфера развилась во вполне ощутимый мегакоммуникационный общепланетарный социальный институт». Его бытие, как и бытие человеческих индивидуальностей, описывается при помощи «копирайтизации» всех актуальных опытов (!) Правда остается неопределенным вопрос о генезисе и развитии *homo aequarius*, хотя анонсирована «аквариальная психонавтика» как комплекс подготовительных и развивающих программ, нацеленных на «психоделические опыты освоения ресурсов бессознательного» [7, с. 409–421].

Отходя от этой экзотики, следует сказать о подходе Р. Флориды, развивающего идею «креативного класса», базой которого является экономика. Между тем, в него входят «великое множество работников интеллектуального труда, символических аналитиков, а также лиц свободных профессий и технических специалистов, но принципом объединения служит их реальная роль в экономике» [8, с. 85]. Производство же новых форм и моделей отливается в «разработку новых видов продукции для массового производства, продажи и потребления; изобретение теорем и стратегий универсального значения; создание выдающихся музыкальных произведений» [там же, с. 86]. Однако сам эффект «новой

мышеловки» обеспечен индивидуальностью, меритократичностью, разнообразием и открытостью. Не много – не мало, но эти пути *homo creator*-а маркированы «Большим морфом», и якобы разрешают многовековое противостояние между протестантской трудовой этикой и божественной этикой, аскетизмом и гедонизмом [там же, с. 215 и сл.].

Но самое интересное – это решение, которое предлагает Р. Флорида: инженеры-электрики изобрели коды (тайный язык), при помощи которых можно было сделать практически все: начать бизнес, заниматься искусством, играть в игры [там же, с. 235 и сл.]. Тем самым «мышеловка» превращается в универсальный код, отрывающий недюжинные культурогенетические перспективы.

На самом деле, на что нам уже приходилось обращать внимание [9], ситуация с субъектом культуры обстоит куда более драматично. Имеется в виду описанное А. Бардом и Я. Зодерквистом нетократическое общество, культивирующее мобилизм с его «воздухом свободы». Его европейская география – суть пояс городов от Лондона на северо-западе и до Милана на юго-востоке, отдаленно напоминающий Ганзейский союз.

Тем не менее, в информационном обществе, как считают эти теоретики, наиболее важным «мемом» будет «портал власти» или связующее звено всеобъемлющей сети. Вокруг него, собственно, и формируется Нетократия, как подлинный субъект политики и культуры [10, с. 58]. Причем, формируется чтобы: а) принимать политические решения не «посредством выборов, не в парламенте, не даже через интернет-референдум, но исключительно членами закрытых сетей в закрытых клубах» [там же, с. 85]; б) создавать культурную среду и поддерживать её механизмы в виде обеспечения «консьюмтариата» контролируемым набором услуг согласно простой схеме: «реклама + потребитель = желание» [10, с. 147].

Но спрашивается, если Нетократы – суть главные держатели кодов культуры, ответственные за фундирование и закрепление социально-значимых видов деятельности, в т. ч. социализацию индивида и инкультурацию им необходимых знаний и ценностей, каков же главный критерий отбора? Ответ достаточно прост: «Решающим фактором, управляющим положением индивидуума в этой иерархии, служит его или её привлекательность для сети, то есть способность адсорбировать, сортировать, оценивать и генерировать внимание к себе и ценной информации» [там же, с. 124]. Тем самым, перед нами не только секретность, но и эксклюзивность новой власти, к тому же формирующейся по иерархическому принципу. Он представлен нетократами, кураторами (вместо политиков), нексиалистами (вместо предпринимателей) и этерналистами (вместо ученых).

При анализе феномена субъекта культуры, возникает методологическая тонкость: как интерпретировать процедуру «связывания» информации Нетократами и их сообщниками, если система кодов прямо не задана, а в дискурсе новых субъектов имеет место апелляция к ценностям? Рассматривая этот вопрос по существу, необходимо обратиться к трем аргументам, которые не только дезавуируют приведенные выше «прорывные» точки зрения на культуру информационного общества, но и, якобы, фиксируют простой и всеобъемлющий код, как средоточие культурных универсалий. Подчеркнем, код, способный придавать форму, направленность и смысл человеческой деятельности в объеме, манифестирующем вершину социоприродной эволюции человечества.

На самом деле все обстоит иначе: *homo Matrix*, конституируемый экономико-сетевым гиперкластером, не отличается своей нейтральностью, как ею не отличается сама природа человека. Иначе говоря, этот кластер сегодня флуктуирует как в позитивном, так и в негативном плане, но сами эти планы не имеют общего знаменателя и критериев ценностно-культурной верификации. На повестке дня вопрос о технологиях деиндивидуализации и деперсонификации, а значит мутации и инмутации социокультурных связей, сверхпроблематичное нахождение формулы баланса структуры и функций всей социальной системы, структуры *Matrix*. При этом, в значительной степени искомый баланс отдан на откуп её обитателям, для которых дилемма «красной» и «синей» таблеток вовсе не стоит, как, впрочем, и не стоит вопрос об альтернативах «цифрового рая».

Этот пункт может быть проиллюстрирован следующим образом. В свое время М. Кастельс, рисуя культуру Интернета и субъектов этой культуры, показал, что она имеет четырехслойную структуру: 1) техномеритократов и их культуру; 2) хакеров с присущей им особой культурой; 3) виртуальную общину и их культурную жизнь, и, наконец,

4) предпринимателей и предпринимательскую культуру [11, с. 53]. При этом небезынтересна следующая его констатация: «Исторически Интернет создавался в академических кругах и обслуживающих их научно-исследовательских подразделениях, на профессорских «командных высотах» и в аспирантских «окопах», откуда соответствующие ценности, обычаи и знания проникли в культуру хакеров» [11, с. 57]. И далее ниже по иерархии...

Однако, если так ставится вопрос, то какие следствия это влечет в культурогенетическом и культурно-субъектном плане? Или же проще: способна ли такая техноцентрическая субъектность быть генератором и проводником культурных образцов, в т.ч. морально оправданных, равно как и выступать началом каузальности порождения массового субъекта «эпохи Intrenet»?

Весьма примечательно, что один из творцов «цифровой культуры» – Дж. Ланир – прямо заговорил о редукции культурного поля к файлу, облаку и т.п., о «миссионерском редукционизме» кибернетических тоталистов, и, как результат, о ритуально-фальшивых отношениях, взращиваемых на нем. Провозглашая эпоху ноосферы, олицетворяемую Кремниевой долиной и её копиями по всему миру, эти деятели «будто слышат, как алгоритмы, толпы и другие нечеловеческие существа, существующие в Сети, в сущности, говорят сами за себя» [12, с. 70]. Иначе говоря, информация – в этой культурной-информационной картине мира – имеет собственные идеи и амбиции, она одушевлена.

В конце концов, перед нами – двойная идилия, утверждающая: а) принцип сверхконструктивности информационных потоков и медийных форм значительно более масштабно, чем прежние семиотико-смысловые средства, активизирует потенциал человеческой природы; б) принцип эмерджентности, т.е. порождаемое пользователями Всемирной паутины коллективное сознание, ноосферу или сингулярность.

Не разделяя этих иллюзий, адресованных *homo Matrix*, и все прочнее утверждающихся в массовом сознании, нам хотелось бы предложить релевантные контраргументы.

Первый состоит в следующем. Критический научный анализ теорий информации: виннеровской (информация суть содержание, получаемая от внешнего мира в ходе адаптации к нему); шенноновской (информация суть коммуникация и связь, в процессе которых устраняется неопределенность); бриллюэновской (информация суть отрицание энтропии); молевской (информация суть мера сложности структур); эшбиевской (информация суть способ и форма передачи разнообразия), показывает, что возможен иной вариант трактовки взаимосвязи информации и ценностей. В частности, в своё время А.Д. Урсул предложил такой вариант: «Однако сама ценность не есть разнообразие, а, по-видимому, свойство ограничения разнообразия» [13, с. 133], который соотносительен стратегии информационного общества и его культуре, если под ней понимать движение к обществу знаний, к демократическому участию в культурно- и социогенерирующих процессах, полноценного участия в ограничении избыточного, деструктивного и информационно-шумового разнообразия.

В свою очередь, второй контраргумент сформулировал сам Дж. Ланир, приоткрывая завесу над мейнстримом культурно-технологического тренда: «Сингулярность, однако, влечет физическую гибель людей и загрузку их сознаний, где они продолжают осознавать себя, или даже аннигиляцию человечества в тот неуловимый миг, который предшествует воцарению на Земле сверхразума. Общим у Апокалипсиса и сингулярности является то, что живых свидетелей их пришествия не останется» [12, с. 48].

Ну а пока, по-видимому, *homo Matrix* придется наслаждаться «вечным настоящим», в котором смешаны все коды, мечтая о новой суперреальности, где код один, и генерирует он постгуманистический культурный (?) холизм без души и тела, высокого и низкого, морального выбора между добром и злом, между ценностями и анти-ценностями. Словом, «киберсверхчеловеческом ничто».

Примечания:

1. Муза Д.Е. Информационное общество: притязания, возможности, проблемы / Д.Е. Муза. Днепропетровск: Адверта, 2013. 144 с.

2. «Матрица» как философия: Эссе / Пер. с англ. О. Турухиной. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 384 с. (Серия «Масскульт»).

3. Иванов Д.В. Глэм-капитализм / Д.В. Иванов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 176 с.
4. Бодріяр Ж. Симулякри і симуляція / Ж. Бодріяр / Пер. з фр. В. Ховтун. К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2004. 230 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского, науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
6. Петров М.К. Язык, знак, культура / М.К. Петров. Вступ. ст. С.С. Неретиной. Изд. 2-е стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 328 с.
7. Сельченок К.В. Конструирование предстоящего. Руководство по психодизайну / К.В. Сельченок. Минск: Харвест, 2006. 624 с. – (библиотека практической психологии).
8. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. 421 с.
9. Муза Д.Е. Информационное общество сквозь призму власти: НЕТО-кратия или новый тоталитаризм? // Філософські дослідження. Луганськ: Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля, 2011. Вип. 14. С. 207–216.
10. Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
11. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с. (Серия «Академический бестселлер»).
12. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест / Дж. Ланир; пер. с англ. М. Кононенко. М.: Астрель: CORPUS, 2011. 320 с.
13. Урсул А.Д. Информация. Методологические аспекты / А.Д. Урсул. М.: Наука, 1971. 295 с.

References:

1. Muza D.E. Informatsionnoe obschestvo: prityazaniya, vozmozhnosti, problemy / D.E. Muza. Dnepropetrovsk: Adverta, 2013. 144 s.
2. «Matritsa» kak filosofiya: Esse / Per. s angl. O. Turuhinoy. Ekaterinburg: U- Faktoriya, 2005. 384 s. (Seriya «Masskult»).
3. Ivanov D.V. Glem-kapitalizm / D.V. Ivanov. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2008. 176 s.
4. BodrIyar Zh. Simulyakri I simulyatsIya / Zh. BodrIyar / Per. z fr. V. Hovtun. K.: Vidavnitstvo SolomIYi Pavlichko «Osnovi», 2004. 230 s.
5. Delez Zh., Gvattari F. Tyisyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya / Zh. Delez, F. Gvattari; Per. s fr. i poslesl. Ya.I. Svirskogo, nauch. red. V.Yu. Kuznetsov. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel, 2010. 895 s.
6. Petrov M.K. Yazyik, znak, kultura / M.K. Petrov. Vstup. st. S.S. Neretinoy. Izd. 2-e stereotipnoe. M.: Editorial URSS, 2004. 328 s.
7. SelchYonok K.V. Konstruirovanie predstoyaschego. Rukovodstvo po psihodizaynu / K.V. SelchYonok. Minsk: Harvest, 2006. 624 s. – (biblioteka prakticheskoy psihologii).
8. Florida R. Kreativniy klass: lyudi, kotoryie menyayut budushee / R. Florida: Per. s angl. M.: Izdatelskiy dom «Klassika-XXI», 2007. 421 s.
9. Muza D.E. Informatsionnoe obschestvo skvoz prizmu vlasti: NETO-kratiya ili novyy totalitarizm? // Filofoski doslidzhennya. Lugansk: ShIdnoukraYinskiy natsIonalniy unIversitet Im. V. Dalya, 2011. Vip. 14. S. 207 – 216.
10. Bard A., Zoderkvist Ya. NETOKRATIYA. Novaya pravyaschaya elita posle kapitalizma / A. Bard, Ya. Zoderkvist. SPb.: Stokgolmskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2004. 252 s.
11. Kastels M. Galaktika Internet: Razmyishleniya ob Internetе, biznese i obschestve / M. Kastels; Per. s angl. A. Matveeva pod red. V. Haritonova. Ekaterinburg: U-Faktoriya (pri uchastii izd-va Gumanitarnogo un-ta), 2004. 328 s. (Seriya «Akademicheskiy bestseller»).

12. Lanir Dzh. Vyi ne gadzhet. Manifest / Dzh. Lanir; per. s angl. M. Kononenko. M.: Astrel: CORPUS, 2011. 320 s.

13. Ursul A.D. Informatsiya. Metodologicheskie aspekty / A.D. Ursul. M.: Nauka, 1971. 295 s.

УДК [130.2+004.5] : 008.2

Номо matrix: к ревизии проблемы субъектности культуры информационного общества

¹ Дмитрий Евгеньевич Муза

² Екатерина Борисовна Ильянович

¹ Крымский университет культуры, искусств и туризма, Российская Федерация
Доктор философских наук, профессор
E-mail: dmuza@mail.ru

² Крымский университет культуры, искусств и туризма, Российская Федерация
Кандидат философских наук, доцент
E-mail: mknovik@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема субъектности культуры информационного общества, возникшая вследствие трансформаций функционально-предметной онто-структуры общества индустриального типа и его замены стохастикой информационных процессов, как фундирующих новые социальность и культуру.

Согласно гипотезе авторов, информационный *modus vivendi* создает узкий коридор антропологических возможностей, в т. ч. за счет неадекватных процедур культурного кодирования, но открывает широкий коридор антропологических мутаций. В частности, этот вывод, во-первых, опирается на критически осмысленные позиции теоретиков нынешнего информационного тренда – Ж. Бодрийяра, М. Кастельса, А. Барда, Я. Зодерквиста, К.В. Сильчёнка, Р. Флориды, Дж. Ланира; во-вторых, на представление постмодернистов об отказе от древовидно-иерархической структуры, лежащей в основе прежних культурных теории и практики и замена её «тысячей плато» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари), «садом расходящихся тропок» (Х.Л. Борхес) или «лабиринтом» (У. Эко).

Следуя образу «киберсверхчеловеческого ничто», авторы показывают, что перед нашими современниками возникла двойная идилия, несущая в себе: а) принцип сверхконструктивности информационных потоков и медийных форм, значительно более масштабно – чем прежние семиотико-смысловые средства, активизирует потенциал человеческой природы; б) принцип эмерджентности, т.е. порождаемое пользователями Всемирной паутины – коллективное сознание, ноосферу или сингулярность.

Не разделяя этих иллюзий, адресованных *homo Matrix* и все прочнее утверждающихся в массовом сознании, авторы высказали релевантные контраргументы, касающиеся: 1) поскольку ценность есть свойство ограничения разнообразия» (А.Д. Урсул), то задача субъекта культуры (да и самой культуры) заключается в полноценном участии в ограничении избыточного, деструктивного и информационно-шумового разнообразия; 2) возделенная сингулярность влечет физическую гибель людей (аннигиляцию человечества, хотя и предусматривает загрузку их сознаний в *Matrix*; 3) здесь *homo Matrix* придется наслаждаться «вечным настоящим», в котором смешаны все культурные коды, иногда мечтая о новой суперреальности, где присутствует один код и генерирует он постгуманистический культурный (?) холизм без души и тела, высокого и низкого, морального выбора между добром и злом, между ценностями и анти-ценностями..

Такая перспектива видится авторам неприемлемой.

Ключевые слова: культура информационного общества, субъект культуры, коды культуры информационного общества.